

Курьерный рост

Федор Дунаевский: «Возвращаться – плохая примета»

Ирина Карпова

В 1986 году фильм Карена Шахназарова «Курьер» был почти культовым. Хотя и слова такого тогда еще не было. Зато там был герой, который не боялся говорить то, что думает, и думал не о том, о чем все говорят. Сыграл его Федор Дунаевский, никому не известный парень, моментально ставший звездой. Потом он куда-то пропал... Сейчас Федор живет в Италии.

– Федор, 15 лет назад ты был настоящей звездой. Почему ты поменял свою жизнь на 180 градусов?

– Когда я уехал в Израиль, мне было двадцать лет. Поворота на 180 градусов не было, была просто смена декораций. Уехал я не по идейным соображениям, хотя здесь была отвратительная лигачевская атмосфера: депутаты плевали в спину Сахарову. Я политикой особенно не увлекался, но гнетущую атмосферу ощущал. Получая зарплату на «Мосфильме», ездил в поездки за государственный счет, не бедствовал и за судьбы России не страдал.

Просто в моей жизни все было как-то слишком просчитываемо. Захотелось понять, насколько мои достижения случайны, насколько закономерны. Оказалось – закономерны. После непродолжительного периода мытья посуды – слава, миллиарды... Стал известным израильским киноактером, работал на радио, в театре.

– Это был твой первый опыт на сцене?

– Да. Играл на иврите в камерном театре в Тель-Авиве. Потом вернулся в Москву, учился во ВГИКе у Соловьева. А потом уехал в Италию. Не с целью наживы или славы, просто было интересно.

– Какими тебе кажутся итальянцы?

– Народ очень закрытый при внешней открытости. Очень ортодоксальный. Шесть лет назад, когда я только приехал, они рассказывали, что итальянские ботинки – самые лучшие ботинки в мире, что итальянская пицца – самая лучшая. А когда я им говорил, ребята, может, вы слаще морковки ничего не ели – они это всерьез не воспринимали. Они всегда жили в полной уверенности, что у них все самое лучшее.

– Скажи, чему ты больше обязан в жизни: везению или труду, образованию?

– Образования у меня никакого, не считая среднего школьного. Было два года у Сергея Со-

ловьева во ВГИКе, но законченного высшего – нет. Была еще театральная студия в школе, но там я был далеко не лучшим. А что касается «Курьера», то просто в моем классе училась Настя Немоляева, которая и привела меня на пробы. Почему-то прошел я.

– Тебе близок облик «Курьера» Ивана? Плевал ли ты против ветра?

– Близок именно потому, что я не воспринимал его, как плюющего против ветра. Проблема в направлении ветра. Нигилизмом почему-то считается нормальная реакция на абсурдность окружающей действительности. Мои же собственные правила просты и понятны.

– И что это за правила?

– Нож – справа, вилка – слева.

– А вот в «Курьере» ты «выпил» два флакона духов...

– Выпить я люблю, но это целое дело. Должна быть специ-

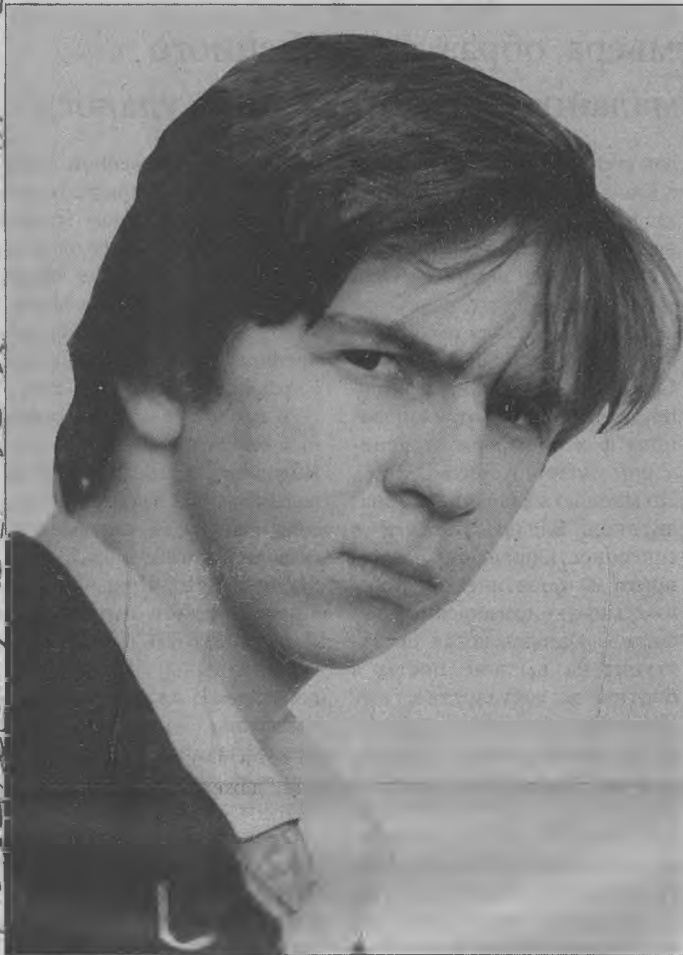
мости, здоровья. Но со страхами я предпочитаю дружить. Не могу сказать, что я смелый и отважный, но уже лет в 14 я понял, что бояться не имеет смысла. Страх – разрушительная сила. Но если ты его вовремя заметил, поймал и подружился с ним, то он может принести пользу.

– Ты вообще работаешь над собой?

– Хочется делать какие-то телодвижения насчет собственной личности. Она имеет склонность засыпать, поэтому ее надо все время тормошить. Леня душевная плавно втекает и превращает человека в обывателя, бюргера.

– Почему тебя называют единственным учеником Соловьева?

– Не знаю, у него были и другие. Я начинал в «Ассе» администратором, затем учился два года у него, был ассистентом на «Трех сестрах». Поэтому мне

Герой с прищуром хамоватого подростка – таким Дунаевского помнят в России.

альная еда, компания... И вообще пить надо с какой-то целью. Не могу сказать, что это бич моего поколения. Мимо нас прошла и наркомания, которая была позже, и алкоголизм, который был раньше. А мы, середины 80-х, – как-то все это проскочили.

– Есть ли у тебя страхи?

– Мне присущи все страхи человека 33 лет – одиночества, нищеты, потери близких, независи-

знаком не только съемочный период, но и подготовительный, а также монтаж, на который Соловьев всегда меня брал с собой.

– А его «Нежный возраст» тебе понравился?

– Более чем. Я смотрел этот фильм раз двадцать. Купил кассету и смотрю в Италии. Мои отношения с этим фильмом очень личные, потому что вся эта история во многом и про меня, я тоже с «Юго-Западной».

Я знаю и Салют, и Аслана, это все абсолютно реальные люди.

– А кого бы хотел сейчас сыграть в кино?

– После «Курьера» и «Дорогой Елены Сергеевны» никаких интересных предложений не было. А двух моих последних фильмов («Маэстро с ниточкой» и «Трое отважных») вообще никто не видел.

Я бы хотел сыграть что-то из прошлого. А какого-нибудь «мусора» в сериале мне не хочется играть, не лежит душа по фене ботать, я в реальной жизни ботаю каждый день и не чувствую необходимости еще и в кино это показывать.

– Это ностальгия по герою?

– Конечно, герой должен быть. Плохо с ним сейчас. Извините, но Брат-7, он же учился в лесной школе, это же видно всем. Но в России шоу-бизнес не стал еще окончательно бизнесом, ситуация не запущена окончательно.

– Значит, современные проблемы тебя не увлекают?

– Для того чтобы сняться в современном российском фильме, то есть сыграть русского героя – им нужно на какое-то время стать. Придется здесь жить. И не по неделе-две в месяц, как сейчас, а постоянно. Нужно пожить нормальной бытовой жизнью, почувствовать ее кожей. У меня отношение к ролям в кино штучное, я не хотел бы ставить на поток светлый образ, созданный, к примеру, Дмитрием Певцовым.

– Многие известные актеры не считают зазорным сниматься в телесериалах, в рекламе...

– У меня нет брезгливости и снобизма ни к какой работе. Я в жизни делал многие вещи: в Тель-Авиве работал и посудомоем, и рабочим кухни, в Москве работал в аэродромной службе, санитаром в больнице. Мой выбор определяет не сумма денег. Есть друзья и родственники, мнением которых я дорожу. Я однозначно не хотел бы стать сейчас мистером «Смак» или мистером «Галина Бланка»: стыдно. Хотя в Израиле я снимался в рекламе, но это была реклама политической партии, с идейной платформой которой я был согласен. Прочитал программу и согласился. Мне прежде всего важна сделка с собственным «Я».

– Собираешься ли ты возвращаться?

– Возвращаться – плохая примета. Я не чувствую здесь себя дома. Я много ездю, а ощущения дома, Родины нет ни в Израиле, ни в Италии, ни в России. Бездомный я. ■